

ЕГО ЖЕСТОКОСТЬ
БЫЛА МАСКОЙ,
СКРЫВАЮЩЕЙ БОЛЬ

МЕЛОДИ
Лейн

ЖЕСТОКОСТЬ
Мелоди

Мелоди Лейн

Жестокость Холодного

<https://litres.ru/74098623>

SelfPub; 2026

Аннотация

Судьба любит злые шутки. Кристина мечтала о выставках в Париже и светлом будущем, а получила билет в один конец в мир, где правят деньги и страх. Альберт Черных не выбирал такую жизнь, он был рожден для нее. Жестокий, властный, не знающий пощады - идеальный хищник в каменных джунглях. Их встреча - ошибка системы, сбой, который может стоить обоим жизни. Он забирает ее в свой уединенный особняк, чтобы держать под контролем, но вскоре понимает, что теряет контроль над собой. Его дом - крепость, но стены не спасают от чувств, вспыхивающих подобно пожару. Кристина пытается бежать, но куда деться от мужчины, чье имя внушает трепет всему городу? И главное - как убежать от собственных чувств к монстру, который внезапно начинает казаться единственным защитником в этом мире лжи и предательства?

Содержание

Глава 1. Лед и незабудки. Аскольд	4
Глава 2. Глаза цвета страха. Кристина	13
Глава 3. Нарушенный порядок. Аскольд	20
Глава 4. Портрет монстра. Кристина	26
Глава 5. Анализ трофея. Аскольд	32
Глава 6. Вес тишины. Кристина	37
Глава 7. Запах сосен и опасности. Аскольд	44
Глава 8. Цена надежды. Кристина	50
Глава 9. Два фронта. Аскольд	56
Глава 10. Вкус слез. Кристина	61
Глава 11. Разговор на полу. Аскольд	67
Глава 12. Ненависть с привкусом желания. Кристина	71
Глава 13. Неожиданный визит. Аскольд	76
Глава 14. Невидимые враги. Кристина	81
Глава 15. Цена невинности. Аскольд	86
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Жестокость Холодного

Глава 1. Лед и незабудки. Аскольд

Тишина.

Для меня это не просто отсутствие звука. Это состояние, абсолютный контроль над пространством и временем. В моем доме тишина была осязаемой, густой, пропитанной запахом соснового бора за панорамными окнами и едва уловимым ароматом дорогого виски. Она обволакивала, давала возможность думать. А думать мне приходилось много.

Я сидел в кожаном кресле в своем кабинете, медленно вращая в пальцах массивный хрустальный стакан. Янтарная жидкость внутри плескалась в такт моим движениям, ловя отблески скрытой подсветки на книжных полках. За окном сгущались сумерки, и вековые сосны, окружавшие мой особняк, превращались в черные силуэты на фоне темно-синего неба. Эта крепость, мой мир, была надежно укрыта от посторонних глаз высоким забором и лучшей системой безопасности, которую можно купить за деньги. Здесь я был богом, и каждый винтик в этом механизме работал по моим правилам.

Сегодня один из винтиков дал сбой.

Телефон на столе из черного дерева вибрировал уже в третий раз. Я игнорировал его, допивая виски. Жжение в горле приятно отрезвляло, прогоняя остатки усталости после тяжелых переговоров. Наконец, я со вздохом отставил пустой стакан и взял смартфон. На экране светилось имя "Гвоздь". Один из моих лучших людей. Если он так настойчив, значит, дело дрянь.

Я провел пальцем по экрану, нажимая на зеленую кнопку ответа.

- Слушаю. - Мой голос прозвучал глухо и ровно. Я не любил эмоции. Они - слабость, а в моем мире за слабость убивают.

- Босс... Аскольд Вячеславович. Мы на месте. Есть проблема, - голос Гвоздя в трубке был напряженным, с нотками вины. Плохой знак.

- Говори.

- Товар... он... не совсем тот.

Я нахмурился. Мои пальцы сжались на подлокотнике

кресла. "Не тот товар" могло означать что угодно: от подставы до банальной ошибки. И то, и другое каралось одинаково жестко. Должник, старый хитрый лис Ромашкин, должен был отдать мне то, что задолжал. А именно - компромат на одного очень влиятельного конкурента, который мог бы решить исход многомиллионной сделки.

- Что значит "не тот"? - процедил я сквозь зубы, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость. - Он пустой? Или подделка?

- Нет, босс... он... живой.

Пауза. Тишина в кабинете стала давящей. Я пытался осмыслить услышанное. Живой? Какого черта?

- Гвоздь, если это шутка...

- Никак нет, босс. Ромашкин вместо папки с документами отдал нам свою дочь. Сказал, это гарантия, что он все вернет. А сам растворился. Телефон вне зоны, по адресам его нет.

Я медленно выдохнул, закрыв глаза. Шрам на виске, память о последнем проявлении чужой глупости, запульсировал. Ромашкин. Старый идиот решил сыграть со мной в игру. Решил, что его дочь станет разменной монетой.

- Где вы?

- У ворот. Ждем приказа.

- Завозите. И чтобы ни звука. Гвоздь, лично мне объяснишь, как вы умудрились взять девчонку вместо папки.

Я сбросил вызов и поднялся. Ярость волнами расходилась по телу. Глупость. Ненавижу глупость и дилетантство. Мои люди, лучшие из лучших, привезли мне вместо решающего козыря в игре... девчонку.

Я прошел через огромную гостиную, где в камине тлели угли. Мраморный пол охлаждал ступни сквозь тонкие домашние туфли. Я остановился у панорамного окна, глядя, как ворота медленно поползли в сторону, пропуская внутрь черный бронированный "Гелендваген". Свет его фар выхватил из темноты идеально подстриженный газон и часть подъездной аллеи.

Машина остановилась. Двери открылись. Гвоздь, двухметровый шкаф с бычьей шеей, вышел первым. За ним еще двое моих парней. Они открыли заднюю дверь и почти вынесли оттуда... ее.

Даже с такого расстояния я видел, что она была похожа на испуганного олененка, попавшего в свет фар. Хрупкая, тоненькая. Длинные светлые волосы растрепались, а короткое платье мятного цвета казалось нелепым и беззащитным в окружении моих людей в черных костюмах.

Через минуту раздался тихий звонок в дверь. Я не двинулся с места. Мой помощник и начальник охраны, Демид, уже открывал.

Я услышал приглушенные голоса, затем шаги. Они вошли в гостиную.

Гвоздь стоял, опустив голову. Рядом с ним, дрожа всем телом, стояла она.

Я медленно повернулся.

Все звуки в мире, казалось, умерли. Она была еще моложе и беззащитнее, чем показалось издали. Огромные, испуганные глаза цвета чистого неба смотрели на меня с ужасом. Миловидное личико было бледным, на щеке алел след от слез. Тонкие руки она прижимала к груди, словно пытаюсь защититься. Девчонка. Совсем еще ребенок. И она была напугана до смерти.

- Имя, - мой голос прорезал тишину, как скальпель.

Она вздрогнула и молчала, лишь сильнее вжимая голову в плечи.

- Я спросил, как тебя зовут, - повторил я, делая шаг к ней.

- К-крстина, - прошептала она. Голос сорвался.

Крстина. Я подошел ближе, останавливаясь всего в метре. От нее пахло чем-то цветочным и страхом. Этот запах я знал слишком хорошо. Я окинул ее оценивающим, жестким взглядом с головы до ног. Легчайший шелк платья обрисовывал тонкую фигуру, не скрывая девичьей хрупкости. Она была невинной. Это было написано в ее глазах, в каждом ее движении. Девственница, которую отец-ублюдок бросил в клетку со зверем.

- Сколько тебе лет, Крстина?

- Двадцать, - ее голос чуть окреп, в нем проскользнули нотки неповиновения. Интересно.

Я усмехнулся, но улыбка не коснулась глаз.

- Твой отец - идиот, Крстина. Он совершил очень боль-

шую ошибку.

- Он... он все вернет! Отпустите меня, пожалуйста! Я ничего не знаю! - она подняла на меня свои заплаканные глаза, и в этот момент что-то внутри меня дрогнуло. Неприятное, незнакомое чувство. Жалость? Нет, я давно разучился жалеть. Скорее... интерес. Хищный, темный интерес.

- Отпустить? - я медленно покачал головой. - Нет, Кристи. Теперь ты - моя гарантия. Моя собственность. Пока твой отец не объявится с тем, что принадлежит мне.

Ее лицо исказилось от ужаса и отчаяния. Новая волна слез хлынула из ее глаз.

- Вы не имеете права...

- Права? - я рассмеялся, и этот смех эхом пронесся по огромной гостиной. - Милая девочка, в моем мире право имеет тот, кто сильнее. И сейчас это я. Демид!

Мой помощник тут же шагнул вперед.

- Да, Аскольд Вячеславович.

- Отведи нашу гостью в комнату на втором этаже. Ту, что

с видом на озеро. Убедись, что у нее есть все необходимое. И приставь охрану. С этого момента она не делает ни шагу без моего ведома.

- Понял.

Демид мягко, но настойчиво взял ее за локоть. Она вырвалась, отшатнувшись от него.

- Нет! Я никуда не пойду! Вы бандит! Чудовище!

Ее голос звенел от истерики. Она смотрела на меня с такой смесью ненависти и страха, что это было почти завораживающе.

Я сделал еще один шаг и, наклонившись к самому ее уху, прошептал так, чтобы слышала только она:

- Да, Кристина. Я чудовище. И тебе лучше не злить меня. Иначе ты очень быстро узнаешь, насколько глубока кроличья нора, в которую тебя столкнул твой папаша. А теперь иди.

Она замерла, ее дыхание сбилось. Я чувствовал, как она дрожит. Но она больше не сопротивлялась. Послушно, словно сломленная кукла, она позволила Демиду увести себя на-

верх по винтовой лестнице.

Когда их шаги затихли, я повернулся к Гвоздю.

- В мой кабинет. Живо.

Он молча кивнул и пошел следом.

Я снова налил себе виски, на этот раз до краев. В голове был сумбур. Эта девушка. Кристина. Она была сбоем в моей идеально отлаженной системе. Неожиданной переменной в сложном уравнении. И я еще не решил, что с ней делать.

Но одно я знал точно.

Она отсюда не уйдет. Ни-ког-да.

Глава 2. Глаза цвета страха. Кристина

Шаги за спиной гулким эхом отдавались в моем сознании, пока мужчина по имени Демид вел меня вверх по винтовой лестнице. Я не смотрела на него. Я вообще старалась ни на что не смотреть. Мой мир сузился до ощущения его пальцев на моем локте - не грубых, но таких твердых и неотвратимых, как стальные тиски.

Лестница закончилась, и мы оказались в просторном холле второго этажа. Все здесь кричало о деньгах и власти: темные деревянные панели на стенах, минималистичные, но явно дизайнерские светильники, абстрактные картины в тяжелых рамах. Этот дом был похож на своего хозяина - холодный, безупречный и абсолютно безжизненный. Как музей, в котором нельзя ничего трогать и даже дышать слишком громко.

Демид остановился перед одной из дверей и открыл ее. Легкий толчок в спину, и я оказалась внутри. Дверь за мной закрылась с тихим, но окончательным щелчком замка. Я вздрогнула, будто этот звук поставил точку в моей прошлой жизни.

Я осталась одна.

Комната была огромной. Больше, чем вся наша с папой квартира. Первое, что бросилось в глаза - гигантское, от пола до потолка, окно во всю стену. За ним простирался ночной сосновый лес и темная гладь озера, в которой отражалась одинокая луна. Красиво. До боли, до ужаса красиво. Эта красота была частью моей тюрьмы.

Я медленно обвела комнату взглядом. Огромная кровать с белоснежным покрывалом, застеленная с маниакальной аккуратностью. У изножья - мягкая банкетка. Рядом с окном - два кресла и маленький столик. В углу - мольберт с чистым холстом. Мольберт. Насмешка. Слово кто-то знал, что я рисую, и решил подкинуть мне игрушку в моей золотой клетке.

Я подошла к окну, коснулась пальцами прохладного, идеально чистого стекла. Внизу, у кромки леса, я различила едва заметное движение. Охранник. Еще один прохаживался вдоль высокого забора, видневшегося вдалеке. Я была в ловушке. Настоящей, осязаемой ловушке.

Слезы снова подступили к горлу. Я сглотнула соленый комок. Нет. Я не буду плакать. Не доставлю этому чудовищу, этому Черных, такого удовольствия. Ненависть смешивалась

с животным страхом, создавая в груди гремучий коктейль, от которого перехватывало дыхание.

Папа. Как он мог? Зачем? Он всегда говорил, что я - его единственное сокровище. Он продал свое сокровище? Или... или это был единственный способ спасти меня? Голова шла кругом от вопросов без ответов. Я достала из крошечной сумочки свой телефон. Сети нет. Конечно. Глушилки. Я была полностью отрезана от мира.

Я подошла к двери и осторожно потянула ручку. Заперто. Я и не сомневалась.

Обессиленно опустившись на край кровати, я обхватила себя руками. Мятное платье, в котором я еще утром собиралась на встречу с подругами в кафе, теперь казалось неуместным и глупым. Оно было из другой жизни, где самой большой проблемой был выбор десерта.

Внезапно в двери щелкнул замок. Я подскочила, сердце ухнуло куда-то в пятки. Дверь открылась, и на пороге появилась женщина средних лет в строгой униформе. У нее было уставшее, бесстрастное лицо.

- Меня зовут Анна, я экономка, - сказала она ровным голосом. - Аскольд Вячеславович распорядился принести вам

одежду и все необходимое.

Она вошла, неся в руках несколько вешалок с одеждой и большую коробку. Молча положила все на кровать. Я увидела кашемировый спортивный костюм, несколько шелковых пижам, халат. Все было дорогим, качественным, но чужим.

- Где моя одежда? Мои вещи? - спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

- Все, что вам понадобится, будет здесь, - ответила Анна, избегая моего взгляда.

- Я хочу позвонить! - потребовала я.

- Телефоны в доме не работают для гостей.

- Я не гостя! Я пленница! - выкрикнула я.

На ее лице не дрогнул ни один мускул.

- Через час вам принесут ужин. Если что-то понадобится, в ванной комнате есть кнопка вызова.

Она развернулась и вышла, снова заперев за собой дверь.

Я осталась одна с этими чужими вещами, которые были символом моего нового статуса. Статуса вещи, принадлежащей Аскольду Черных.

Ужин я проигнорировала. Когда молодой парень в униформе принес поднос с едой, я просто отвернулась к окну. Он постоял немного и молча ушел, оставив еду на столике. Запах жареного мяса и свежих овощей только усиливал тошноту. Я не могла проглотить ни куска в этом доме. Это был мой маленький бунт. Моя единственная доступная форма протеста.

Время тянулось мучительно медленно. Я переделалась в мягкий серый костюм, который был мне немного велик, и снова подошла к окну. Там, внизу, все было по-прежнему. Непроступная крепость.

Что он собирается со мной делать? Его слова, произнесенные ледяным шепотом мне на ухо, до сих пор обжигали память: "Я чудовище. И тебе лучше не злить меня".

Я верила ему. Его пронзительные серые глаза, жесткие черты лица, шрам на виске – все в нем кричало об опасности и безжалостности. Он был хищником, а я - случайной жертвой, попавшей в его силки.

Отчаяние начало сменять страх. Я не могла просто сидеть и ждать. Я должна что-то делать. Но что? Бежать отсюда невозможно.

Мой взгляд снова упал на мольберт. Сначала я хотела проигнорировать его, эту подачку от моего тюремщика. Но руки сами потянулись. Рядом, на маленькой тумбочке, я нашла коробку с простыми карандашами и альбом для эскизов.

Я села в кресло, положила альбом на колени и взяла карандаш. Пальцы, сначала непослушные от дрожи, постепенно обрели уверенность. Я не знала, что рисовать. Я просто начала водить грифелем по бумаге. Линии складывались в черты. Жесткий подбородок. Тонкие, безжалостные губы. Прямой нос. А потом... глаза. Пронзительные, холодные, серые, как зимнее небо. В них не было ничего, кроме власти и льда.

Я рисовала его. Рисовала своего монстра. И чем дольше я смотрела на получившийся портрет, тем отчетливее понимала. Это не просто бандит, которому задолжал мой отец. Это человек, который разрушил мою жизнь одним своим появлением. И я буду ненавидеть его до последнего своего вдоха.

Этот рисунок стал моим вторым актом неповиновения. Я не сломаюсь. Я выживу. И я найду способ выбраться из этой

клетки. Даже если для этого придется посмотреть в глаза чудовищу еще не один раз.

Глава 3. Нарушенный порядок. Аскольд

Дверь кабинета за Гвоздем закрылась. Я остался один на один с тишиной и запахом его животного страха, который, казалось, все еще витал в воздухе. Я сделал большой глоток виски. Наказание было быстрым и поучительным. Не физическое, нет. Я давно перерос методы уличных банд. Я ударил по самому больному - по деньгам и статусу. Гвоздь и его команда лишились премии за квартал и были отстранены от следующей крупной операции. Для таких, как они, это хуже, чем сломанные ребра. Это удар по гордости. Урок они усвоят.

Но главная проблема осталась. Она сидела наверху, в комнате для гостей, которая этой ночью превратилась в тюрьму.

Я откинулся в кресле, прикрыв глаза. Ромашкин. Старый лис переиграл меня. Он знал, что я никогда не подниму руку на его дочь. Не мой стиль. Женщины и дети - это табу, черта, которую я не переступал. И он этим воспользовался, подсунув мне вместо компромата живой щит. Теперь у него есть время, чтобы залечь на дно, перегруппироваться, возможно, даже сбежать из страны.

Я взял со стола свой второй телефон - полностью защищенный, с шифрованием военного уровня. Открыл Telegram и набрал соответствующий текст приказа, завуалированного под сообщение:

"Найти Эдуарда Ромашкина. Перекрыть все границы, аэропорты, вокзалы. Проверить все его активы, счета, контакты. Мне нужна каждая транзакция за последний год. Он не должен уйти. Срок - 48 часов".

Сообщение ушло в закрытый чат моей службы безопасности. Ответ пришел через секунду:

"Принято".

Механизм запущен. Десятки людей по всей стране начали прочесывать цифровую и реальную жизнь Ромашкина. Он в мышеловке, просто еще не знает об этом.

Деловая часть была закончена. Осталась личная. Кристина.

Я не мог выкинуть ее из головы. Ее огромные, полные ужаса голубые глаза. Дрожащие губы. Ее выкрик: "Чудовище!". Она была права. Но она не имела ни малейшего поня-

тия о том, что это за мир, и какое чудовище перед ней.

На моем столе стоял большой монитор, подключенный к системе безопасности. Несколькими щелчками мыши я вывел на экран изображение с камеры в ее комнате. Качество было безупречным. Я видел каждый ее жест.

Вот она подходит к окну, смотрит вниз. Ищет пути к бегству. Наивная. Отсюда не сбегают. Потом пробует дверь. Конечно, заперто. Я видел, как отчаяние сменяется на ее лице тихой яростью.

Пришла Анна. Я наблюдал за их коротким разговором. Девочка пыталась бунтовать. Требовала телефон, свои вещи. Ее голос был едва слышен через встроенный микрофон, но в нем звенела сталь. Интересно. В ней есть стержень. Большинство бы уже рыдали в углу, моля о пощаде.

Она отказалась от ужина. Маленький, предсказуемый жест неповиновения. Пусть. Голод - хороший учитель смирения.

Я увеличил изображение, вглядываясь в ее лицо. Хрупкая, миловидная. Чистая. Таких не встретишь на вечеринках, где я иногда бывал. Там все женщины были с ценником в глазах и тщательно продуманной историей. А эта она бы-

ла настоящей. Неиспорченной. Как дикий цветок, по ошибке выросший на бетонной плите моего мира.

И тут она сделала то, чего я не ожидал. Она села в кресло, взяла альбом и начала рисовать. Я наблюдал, затаив дыхание, как ее тонкие пальцы управляют карандашом. Она была полностью поглощена процессом. Это был ее способ сбежать, уйти в свой мир, куда мне не было доступа.

Когда она закончила, то отложила альбом на столик. Камера была расположена так, что я мог разглядеть рисунок.

Я замер.

С листа бумаги на меня смотрело мое собственное лицо. Она уловила все: жесткость взгляда, презрительную складку у губ, холодную отстраненность. И шрам. Она не смягчила его, не попыталась скрыть. Наоборот, сделала его центральной деталью, символом уродства. Она нарисовала монстра.

Во мне всколыхнулась странная смесь чувств. Раздражение. Уважение. И что-то еще, чему я не мог подобрать названия. Она видела меня насквозь. Или думала, что видит.

Эта девочка, Кристи, была опаснее, чем я предполагал. Не физически. Ее опасность была в ее невинности, в ее прямо-

те. Она была аномалией в моем упорядоченном, жестоком мире. И эта аномалия уже начала нарушать мой внутренний покой.

Я выключил монитор. Сидеть и подглядывать за ней, как какой-то извращенец, было ниже моего достоинства. Если я хочу что-то узнать, я спрошу лично.

Я поднялся из-за стола. Нужно было расставить все точки над "i". Объяснить ей новые правила ее жизни. Показать, кто здесь хозяин. Подавить этот ее тихий бунт в зародыше, пока он не перерос в настоящую проблему.

Я вышел из кабинета и направился к лестнице. Мои шаги были бесшумными на мягком ковре коридора. В доме царила абсолютная тишина, нарушаемая лишь тиканьем старинных часов в холле.

Я остановился перед ее дверью. На мгновение я представил, как она вздрогнет, когда услышит щелчок замка. Как в ее голубых глазах снова плеснется страх. И, к своему собственному удивлению, я понял, что мне не хочется ее пугать. Мне хотелось... другого. Понять. Разобраться, что заставляет ее рисовать портрет своего похитителя вместо того, чтобы биться в истерике.

Я вставил в замок электронный ключ. Тихий писк, и механизм поддался.

Я медленно нажал на ручку. Пора преподать моей хрупкой заложнице первый урок. Урок о том, что в этой крепости нет места, где она могла бы от меня спрятаться.

Глава 4. Портрет монстра. Кристина

Тихий электронный писк, а за ним щелчок замка прозвучали в оглушающей тишине комнаты громче выстрела. Я замерла, сидя в кресле, карандаш выпал из ослабевших пальцев и со стуком покатился по паркету. Все мышцы в теле напряглись до предела, превратившись в натянутые струны. Сердце забило так сильно, что казалось, его стук слышен по всему дому.

Он.

Дверь медленно и бесшумно открылась. На пороге стоял Аскольд Громов. Он сменил строгий костюм на черные брюки и темную кашемировую водолазку, которая плотно облегла его мощный торс. В этой одежде он выглядел еще более опасным, хищным, как пантера, готовая к прыжку.

Он не вошел сразу. Просто стоял и смотрел на меня. Его серые глаза, казалось, сканировали каждый сантиметр комнаты, прежде чем остановиться на мне. Во взгляде не было ни злости, ни удивления. Только холодный, всепроникающий интерес. От этого взгляда по коже пробежали мурашки.

ки. Я почувствовала себя бабочкой, приколотой булавкой к бархату.

Наконец, он шагнул внутрь, так же бесшумно закрыв за собой дверь. Щелчок замка прозвучал во второй раз, теперь отрезая нас от остального мира. Мы были одни. Я и мое чудовище.

Он медленно прошел по комнате, его взгляд скользнул по нетронутому подносу с ужином на столике. Уголок его губ едва заметно дрогнул в усмешке. Затем его внимание привлек альбом, лежавший на соседнем кресле. Мой рисунок.

Я внутренне сжалась. Дыхание застряло в горле.

Он подошел, взял альбом в руки. Его длинные, сильные пальцы легко перелистнули пустые страницы, пока не остановились на последней. На моем портрете.

На несколько секунд в комнате воцарилась абсолютная тишина. Я слышала только стук крови в своих висках. Он смотрел на рисунок, слегка склонив голову, и я не могла прочитать на его лице ни единой эмоции. Он был как гранитная скала.

- Неплохо, - наконец произнес он. Его голос был низким

и ровным, без всякого выражения. Он поднял на меня свои пронзительные глаза. - У тебя талант, Кристина. Ты уловила главное.

Он говорил так, будто мы обсуждали погоду, а не портрет, в который я вложила всю свою ненависть и страх.

- Я не Кристина, - выдавила я. Голос предательски дрожал. - Меня зовут Кристина Эдуардовна. И вы не имеете права здесь находиться.

Он усмехнулся. Настоящая, холодная усмешка, от которой у меня по спине пробежал ледяной холодок.

- Здесь я имею право на все, - он положил альбом обратно на столик. - Ты находишься в моем доме. И с этого момента ты будешь жить по моим правилам.

Он сделал шаг ко мне. Я инстинктивно вжалась в спинку кресла, пытаясь отодвинуться как можно дальше.

- Правило первое, - сказал он, останавливаясь прямо передо мной и нависая своей огромной фигурой. - Ты больше не будешь устраивать голодовки. Ты будешь есть то, что тебе приносят. Три раза в день. Я не хочу, чтобы моя... гарантия... испортилась от истощения.

Его слова были как пощечины. Гарантия. Вещь.

- Правило второе. Ты прекратишь попытки найти выход. Его нет. Ты не выйдешь отсюда, пока я этого не захочу. Любая попытка к бегству будет наказана. Поверь, Кристи, ты не хочешь знать, как я наказываю.

Мои ногти впились в обивку кресла. Я молчала, с ненавистью глядя ему в глаза.

- И правило третье, самое главное, - он наклонился ниже, и я почувствовала едва уловимый запах дорогого виски и чего-то еще, терпкого, мужского. - Ты будешь делать то, что я говорю. Без вопросов и истерик. Твоя жизнь и комфорт здесь зависят только от твоего послушания. Ты меня поняла?

- Пошел ты, - прошептала я.

Я ожидала чего угодно: крика, удара, ярости. Но он лишь снова усмехнулся.

- Смелая. Мне это даже нравится. Но смелость не отменяет правил.

Его рука медленно поднялась. Я зажмурилась, ожидая

удара. Но вместо этого я ощутила легкое, почти невесомое прикосновение к своей щеке. Он убрал прядь волос, упавшую мне на лицо. Его пальцы были прохладными, но кожа под ними горела огнем.

Я резко открыла глаза. Он был так близко, что я могла видеть свое испуганное отражение в его серых зрачках.

- Я не люблю повторять дважды, Кристина, - его голос стал тише, почти интимным, и от этого еще более страшным. - Мы договорились?

Я не могла говорить. Я просто смотрела в эту ледяную бездну его глаз, чувствуя, как меня парализует его близость, его власть. Я медленно, почти незаметно кивнула.

- Вот и хорошо, - он убрал руку, и я смогла наконец вздохнуть. - Теперь поешь.

Он выпрямился, развернулся и так же бесшумно направился к двери. Уже взявшись за ручку, он обернулся.

- И да, - сказал он, его взгляд снова упал на рисунок. - Рисунок я заберу. На память о нашем первом уроке.

Он подошел, вырвал лист из альбома, аккуратно сложил

его и убрал во внутренний карман водолазки.

Затем он вышел.

Раздался щелчок запираемого замка.

И снова наступила тишина. Но теперь она была другой. Она была наполнена им. Его запахом, его голосом, памятью о его холодном прикосновении. Я сидела, не в силах пошевелиться, и смотрела на опустевший дверной проем.

Слезы хлынули из глаз. Но это были не слезы страха. Это были слезы бессильной ярости и унижения. Он не просто запер меня. Он вторгся в мое личное пространство, установил свои чудовищные правила и забрал единственное, что было моим - мой рисунок. Мою ненависть.

Я посмотрела на поднос с едой. Желудок свело от голода и нервов. Дрожащей рукой я взяла вилку. Я буду есть. Я буду сильной. Я буду жить по его правилам. Пока не найду способ их нарушить и уничтожить его.

Глава 5. Анализ трофея. Аскольд

Я закрыл за собой дверь ее комнаты, и щелчок замка прозвучал как финальный аккорд. В руке я все еще чувствовал фантомное ощущение ее шелковистой кожи и тепла. Импульсивный, непродуманный жест. Я никогда не позволял себе импульсов. Они - привилегия слабых.

Я вернулся в свой кабинет, но не сел за стол. Подошел к бару и плеснул в стакан виски. Два пальца. Ровно столько, чтобы прочистить голову, а не затуманить ее.

Внутри кипела смесь эмоций, которую я отказывался анализировать. Удовлетворение от ее вынужденного подчинения. Раздражение от ее дерзкого взгляда. И что-то еще что-то похожее на азарт. Она не сдалась. Она затаилась. Как маленький, но гордый зверек, который ждет момента, чтобы вцепиться в горло.

Я достал из кармана сложенный лист бумаги. Развернул. Ее рисунок.

Она видела меня чудовищем. И она не ошиблась. В этом мире, чтобы выжить и стоять на вершине, нужно стать монстром. Нужно вырвать из себя жалость, сострадание, сомне-

ния. Я сделал это давно. Шрам на моем лице - ежедневное напоминание о цене, которую я заплатил за свой первый урок.

Но, глядя на эти яростные, точные штрихи, я впервые за долгие годы почувствовал нечто вроде... узнавания. Она нарисовала не просто бандита. Она нарисовала мою маску. Идеально выверенную, холодную маску, за которой я прятал все остальное.

Я аккуратно свернул лист и убрал его в сейф за картиной на стене. Рядом с документами на мои легальные бизнесы и парой пистолетов. Этот рисунок был теперь таким же активом. Опасным и ценным.

Я сел за стол и снова включил монитор с камерами.

Она сидела на кровати, спиной к двери. Ее плечи дрожали. Плачет. Ожидаемо. Но через минуту она выпрямилась, вытерла слезы и решительно направилась к столику с едой. Она села и начала есть. Медленно, без аппетита, но она ела.

Я выиграл этот раунд.

Мой телефон завибрировал. Звонил Демид.

- Слушаю.

- Аскольд Вячеславович, есть первая зацепка по Ромашкину. Засветилась его кредитка. Полчаса назад, оплата на заправке на выезде из города в южном направлении. Сумма небольшая, просто заправил бак.

- Машина?

- Старый "Опель". Неприметный. Номера пробили, зарегистрирован на подставное лицо. Он готовился.

- Конечно, готовился, - я усмехнулся. - Он не идиот. Просто недооценил, с кем играет. Поднимайте людей на юге. Мне нужны все посты ГИБДД, все камеры на трассе. Прочешите мотели и придорожные кафе. Он где-то рядом, залег на дно. И подключите "Сокола". Пусть прослушает эфир дальнобойщиков, может, кто видел что-то.

- "Сокол" уже работает. Будет информация - доложу немедленно.

- Хорошо. Что по второму вопросу?

- Конкуренты, которым Ромашкин должен был слить компромат, зашевелились. Пытаются выйти на нас через посред-

ников. Нервничают.

- Пусть нервничают. Скажи нашим, чтобы тянули время. У нас появился новый козырь.

- Понял. Это все.

Я сбросил вызов. Машина завертелась. Ромашкин допустил ошибку. Маленькую, но фатальную. Он думал, что может раствориться, но он оставил след. Теперь это вопрос времени.

Мой взгляд снова вернулся к монитору. Кристина уже закончила есть и теперь стояла у окна, глядя в темноту. Ее силуэт был таким хрупким на фоне массивных сосен. Она была заложницей не только в моем доме, но и в игре, правил которой не знала. Игры, где ее отец был предателем, а я - единственным, кто теперь решал ее судьбу.

Что я буду с ней делать, когда найду Ромашкина? Исходный план был прост: забрать документы, вернуть дочь. Чистый бизнес. Но теперь теперь все усложнилось. Ее присутствие здесь, в моем стерильном мире, было подобно вирусу. Оно нарушало привычный порядок вещей, заставляло меня думать о том, о чем я давно забыл.

Я установил правила для нее. Но теперь я понимал, что эти правила нужны и мне самому. Держать дистанцию. Не поддаваться импульсам. Помнить, что она - всего лишь инструмент. Трофей. Гарантия.

Но, глядя на ее одинокую фигуру у окна, я с неприятной ясностью осознал, что этот хрупкий трофей становится для меня чем-то большим. Он становится наваждением. И это была самая большая опасность, с которой я сталкивался за последние десять лет. Опасность, исходившая не от врагов с оружием, а от напуганной двадцатилетней девочки с глазами цвета неба и карандашом в руке.

Глава 6. Вес тишины. Кристина

Я проснулась от яркого солнечного света, бившего в глаза. На мгновение я не поняла, где нахожусь. Мягкость шелковых простыней, тишина, запах сосен за окном... А потом память вернулась ледяным, душащим потоком. Я в его доме. Я его пленница.

Я села на кровати. Тело ломило от напряжения прошедшей ночи. Поднос с остатками ужина исчез. Вместо него на столике стоял завтрак: овсяная каша с ягодами, стакан апельсинового сока и маленький круассан. Все выглядело идеально, как на картинке в дорогом журнале. И от этой безупречности становилось только хуже.

Я заставила себя встать. Ноги были ватными. В огромной ванной комнате, отделанной серым мрамором, я нашла все необходимое: зубную щетку в стерильной упаковке, дорогие шампуни и гели, мягкие полотенца. Ничего моего. Даже моя личность, казалось, была стерта и заменена набором безликих, роскошных вещей.

После душа, облачившись в предложенный мне вчера кашемировый костюм, я почувствовала себя чуть лучше. Теплая ткань приятно обволакивала, давая иллюзию защиты. Я

села за столик и заставила себя съесть кашу. Каждая ложка была маленькой победой над собой и поражением в моей войне с ним. Я выполняла его правило. Я выживала.

Примерно через час в дверь постучали. Не так, как вчера - властно и окончательно. А тихо, почти вежливо. Я напряглась.

- Войдите, - сказала я, хотя знала, что дверь заперта. Замок щелкнул, и вошла вчерашняя экономка, Анна. В руках она держала стопку чистого постельного белья.

- Доброе утро, - сказала она своим ровным, бесцветным голосом. - Я пришла убрать в комнате.

Она начала менять постель, двигаясь с отточенной, механической грацией. Я наблюдала за ней, отчаянно цепляясь за возможность поговорить с живым человеком.

- Анна? - позвала я.

Она повернула ко мне свое непроницаемое лицо.

- Да?

- Как долго вы здесь работаете?

- Достаточно долго, – уклонилась она от ответа.

- Он... ваш хозяин... он всегда такой?

Она замерла на секунду, разглаживая складку на простыне. - Аскольд Вячеславович - хороший хозяин. Он требователен, но справедлив.

Справедлив? Бандит, похитивший меня из-за долгов отца, справедлив? Мне хотелось рассмеяться ей в лицо.

- Вы ведь понимаете, что я здесь не по своей воле? - я сделала еще одну попытку. - Помогите мне. Дайте телефон, всего на один звонок.

Анна посмотрела на меня. В глубине ее уставших глаз на мгновение промелькнуло что-то похожее на сочувствие, но тут же исчезло.

- Мой вам совет, - тихо сказала она, снова принимаясь за работу. - Не создавайте проблем себе и другим. Делайте, что говорит хозяин, и все будет хорошо. Он не любит непослушания.

На этом разговор был окончен. Она закончила уборку и

так же молча вышла, снова заперев за собой дверь. Я осталась одна, и чувство изоляции стало еще острее. Даже прислуга здесь была частью тюремной системы, верной своему хозяину.

Отчаяние снова подкатило к горлу. Я подошла к окну. Солнце заливало лес, играло на темной воде озера. Мир за стеклом жил своей жизнью, и ему не было до меня никакого дела. Я снова была на грани слез, но тут раздался уже знакомый щелчок замка.

Я резко обернулась.

На пороге стоял он. Аскольд.

Сегодня на нем был деловой костюм, идеально сидящий на его мощной фигуре. Он выглядел как руководитель корпорации с Уолл-стрит, а не как криминальный авторитет. Но холод в его серых глазах остался прежним.

Он молча вошел в комнату. В руках у него был большой плоский кейс.

- Я вижу, ты позавтракала. Молодец, - сказал он так, будто хвалил ребенка за выученный урок.

Я сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

- Что вам еще нужно? - процедила я.

Он проигнорировал мой враждебный тон. Подошел к мольберту и поставил кейс рядом с ним. Открыл.

Я невольно шагнула ближе. Внутри, на бархатной подложке, лежал профессиональный набор для художника. Десятки тюбиков с масляными красками всех мыслимых оттенков, палитра, набор кистей из натурального ворса, мастихины, разбавители. Это было целое состояние. О таком наборе я могла только мечтать, разглядывая витрины художественных магазинов.

- Я подумал, что карандаша тебе будет недостаточно, - сказал он, глядя не на меня, а на краски. - Твоему таланту нужен простор.

Я смотрела то на него, то на кейс, и не могла понять, что происходит. Это была какая-то изощренная попытка? Насмешка?

- Я не просила вас об этом, - выдавила я.

- Я и не спрашивал, - он повернулся ко мне. Мы стояли

так близко, что я снова ощутила его запах - дорогой парфюм, смешанный с запахом власти. - Я хочу, чтобы ты рисовала, Кристи. Рисуй все, что хочешь. Лес за окном. Эту комнату. Можешь даже нарисовать еще один мой портрет. Мне будет интересно посмотреть.

Он протянул руку и снова, как вчера, коснулся моей щеки. Но на этот раз его прикосновение было другим. Не угрожающим, а изучающим. Большой палец медленно провел по моей скуле. Я застыла, боясь дышать. Сердце колотилось где-то в горле.

- Ненависть - сильное чувство, - тихо сказал он, глядя мне прямо в глаза. - Сильный источник вдохновения. Не трать его зря.

Он убрал руку и, не говоря больше ни слова, вышел из комнаты.

Я осталась стоять посреди своей роскошной тюрьмы перед открытым кейсом с красками. Я была в полном смятении. Этот человек был монстром, моим похитителем, моим тюремщиком. Но он только что дал мне в руки то, что я любила больше всего на свете. Он дал мне оружие, убежище и свободу - свободу творить.

Зачем?

Я коснулась кончиками пальцев гладкого, холодного тюбика с ультрамариновой краской. Это был цвет моих глаз. Цвет неба в моей прошлой, свободной жизни.

И я поняла. Это не был жест доброй воли. Это был его новый способ контроля. Он хотел заглянуть в мою душу через мои картины. Хотел увидеть мою боль, мой страх, мою ненависть.

Что ж. Если он хочет игру, он ее получит. Я покажу ему. Я нарисую на этом холсте такую картину, от которой лед в его глазах треснет.

Глава 7. Запах сосен и опасности. Аскольд

Я вышел из ее комнаты с ощущением странной, неуместной победы. Выражение на ее лице, когда она увидела краски - смесь шока, недоверия и чего-то еще, похожего на трепет - стоило гораздо дороже, чем этот профессиональный набор, который Демид по моему приказу доставил из лучшего художественного салона города рано утром.

Я спустился в кабинет. Налил себе чашку черного кофе. Виски с утра - плохая привычка, расшатывающая контроль. А контроль сегодня был мне нужен как никогда.

Я сел за стол и включил монитор. Она все еще стояла на том же месте, как замороженная. Потом медленно, почти с благоговением, коснулась одного из тюбиков. Я наблюдал за ней, и в груди шевельнулось незнакомое чувство. Я не просто дал ей игрушку. Я дал ей часть ее мира, который отнял. Жестоко. Изысканно. И очень эффективно. Теперь она будет думать не только о побеге и ненависти. Она будет думать обо мне. О том, зачем я это сделал. Я подкинул ей загадку, и пока она будет ее решать, она будет в моей власти не только физически, но и ментально.

Мой защищенный смартфон издал короткий сигнал. Новое сообщение в Telegram, в чате с начальником службы безопасности.

"Объект замечен. Трасса М-4, 250 км от города. Остановился у придорожного кафе Уют. Камеры подтвердили. Сидит внутри. Ждем приказа".

К сообщению был прикреплен снимок с камеры наблюдения. Размытая фигура в кепке, сидящая за столиком у окна. Но я узнал бы эту сутулую спину и хитрый профиль из тысячи. Ромашкин. Попался.

Мои пальцы быстро забегали по экрану.

"Держать на расстоянии. Не спугнуть. Мне нужно знать, один ли он. Есть ли контакты. Прослушка в кафе есть?"

Ответ пришел мгновенно.

"Один. Пока ни с кем не говорил. Наш человек уже внутри, сел за соседний столик. "Уют" - наша старая точка, прослушивается все, от зала до туалета. Пишем каждое слово".

"Отлично. Дайте ему уехать. Ведите его. Мне нужно знать

его конечную цель. Где его нора. Группу захвата держать в полной готовности в 10 км позади. Работать без шума".

"Принято".

Петля затянулась. Старый лис бежит прямо в капкан. Он думает, что оторвался, залег на дно, а на самом деле каждый его шаг теперь под моим контролем.

Я откинулся на спинку кресла, чувствуя холодное удовлетворение. Это была моя стихия. Охота. Стратегия. Полный контроль над ситуацией. Здесь не было места импульсам и странным чувствам. Только холодный расчет и воля к победе.

И все же мой взгляд снова и снова возвращался к другому монитору. К ней. Кристина, казалось, наконец пришла в себя. Она аккуратно достала из кейса кисти, палитру. Выдавила несколько красок. Я смотрел, как она смешивает цвета, как сосредоточенно морщит лоб. Она была прекрасна в этот момент. Настоящая, живая, поглощенная своим делом. Она забыла, что находится в клетке. Забыла обо мне.

И это почему-то разозлило меня.

Я сам дал ей эту возможность забыться, и сам же теперь

злился на результат. Противоречие. Она вся была соткана из них, и теперь заражала этим меня.

Я должен был прекратить это. Я встал и подошел к панорамному окну. Свежий утренний воздух после ночного дождя был наполнен запахом сосен и влажной земли. Запах моего дома. Моей крепости. И этот запах всегда ассоциировался у меня с безопасностью и властью. Но сейчас к нему приешивался новый, фантомный аромат. Запах ее цветочных духов и едва уловимый запах масляных красок. Она проникла в мой мир, заполняла его собой, даже не выходя из своей комнаты.

Телефон снова зазвонил. На этот раз Демид.

- Да.

- Аскольд Вячеславович, есть движение. Ромашкин вышел из кафе, сел в машину и поехал дальше на юг. Но есть деталь. Перед выходом он сделал один звонок. Короткий. Мы пробили номер.

- И? - поторопил я его.

- Номер принадлежит человеку по имени Шилов. Аркадий Шилов.

Я замер. Шилов. Глава конкурирующей группировки. Мой давний и самый опасный враг. Тот самый, кому Ромашкин и должен был продать компромат на меня.

Все встало на свои места. Это была не просто попытка сбежать. Ромашкин бежал под крыло моего врага. И компромат, скорее всего, уже у него. Старый лис продал не только меня, но и собственную дочь, оставив ее как отвлекающий маневр.

Ярость заклокотала во мне черной, ледяной волной.

- Демид, меняй план. Группе захвата - приказ. Взять Ромашкина. Немедленно. Живым. Мне нужно, чтобы он заговорил.

- Будет сделано.

Я сбросил вызов. Ситуация стала в разы опаснее. Если Шилов в игре, это значит, что скоро прольется кровь. И моя крепость может оказаться под ударом.

А внутри крепости - она. Хрупкая, невинная девочка, которая понятия не имеет, в центре какой войны оказалась. Она - дочь предателя. По всем законам моего мира, она должна была разделить его судьбу.

Но я смотрел на монитор, на ее склоненную над холстом светлую голову, и понимал, что не могу. Не позволю.

Она была моей. Моей проблемой, моей одержимостью, моей ответственностью. И если Шилов думает, что может добраться до меня через нее или ее отца, он совершает последнюю ошибку в своей жизни.

Я подошел к сейфу и достал свой личный "Глок". Проверил обойму. Запах оружейного масла смешался с запахом сосен и ее незримого присутствия.

Война началась. И я защищу свое. Любой ценой.

Глава 8. Цена надежды. Кристина

Время перестало существовать. Оно превратилось в густую, вязкую субстанцию, измеряемую не часами, а мазками краски на холсте. Я рисовала. Я ушла в этот новый, подаренный мне мир с головой, пытаюсь выплеснуть на белую поверхность все, что творилось у меня внутри.

Я рисовала лес за окном. Но на моей картине он был беспокойным, темным, почти черным. Сосны изгибались, словно в агонии, их ветви тянулись к свинцовому небу, а между стволами прятались глубокие, пугающие тени. Это был не пейзаж. Это было состояние моей души.

Еду мне приносили молча. Я так же молча ее съедала. Я выполняла правила. Я была послушной пленницей. И эта покорность была частью моего нового плана. Плана, который зрел в моей голове, пока руки смешивали краски.

Он больше не приходил. Но я чувствовала его присутствие. Незримый взгляд камеры, который я научилась игнорировать. Он наблюдает. Он думает, что сломил меня, что я приняла свою участь и нашла утешение в искусстве. Пусть думает.

Мой шанс появился на третий день.

Обед мне всегда приносил один и тот же молодой парень, не охранник. Скорее, кто-то из obsługi. Он всегда выглядел немного напуганным, старался не смотреть мне в глаза и как можно быстрее уйти. Он был моим единственным слабым звеном в этой безупречной системе.

Когда он вошел с подносом, я стояла у мольберта спиной к нему, делая вид, что полностью поглощена работой.

- Ваш обед, - пробормотал он, ставя поднос на столик.

Это был мой момент. Я резко развернулась, якобы случайно задев рукой стакан с водой для кистей, стоявший на краю тумбочки. Стакан полетел на пол и с громким звоном разлетелся на осколки. Вода растеклась по паркету.

- Ой! Простите! Какая я неловкая! - воскликнула я, стараясь, чтобы голос звучал как можно более естественно и растерянно.

Парень вздрогнул и бросился к луже.

- Ничего страшного, я сейчас все уберу! Только не наступите!

Он опустился на колени, пытаясь собрать крупные осколки. Он был отвлечен. Дверь была открыта.

Мое сердце заколотилось как бешеное. Сейчас или никогда.

Я не думала. Я просто действовала. Одним прыжком я обогнула его, выскочила из комнаты в коридор и бросилась бежать. Я не знала, куда. Просто вниз. Вниз по винтовой лестнице, к свободе, к входной двери, которую я видела, когда меня сюда привели.

- Стойте! Куда вы?! - раздался за спиной испуганный крик парня.

Но я уже не слушала. Легкие горели, адреналин бил в уши. Вот она, лестница! Я летела по ступеням, перепрыгивая через две, рискуя сломать шею. Первый этаж. Огромная, холодная гостиная. Впереди, всего в двадцати метрах, массивные дубовые двери. Мой путь к спасению.

Я бежала, не оглядываясь. Я почти чувствовала на лице свежий ветер, запах свободы. Еще десять метров. Пять.

И тут из тени кабинета шагнула фигура.

Он. Аскольд.

Он не бежал. Он просто вышел мне наперерез, двигаясь с ленивой, хищной грацией. Время для меня замедлилось. Я видела его лицо - спокойное, без тени удивления. Только в серых глазах плескался холодный, яростный огонь. Он ждал этого. Он знал.

Я резко затормозила, ноги подкосились. Пути назад не было. Пути вперед - тоже. Я была в ловушке.

Он медленно подошел ко мне. Я попятилась, пока не уперлась спиной в холодную стену. Он остановился в шаге от меня, возвышаясь надо мной, как скала.

- Глупая девочка, - произнес он тихо, но его голос резал хуже ножа. - Ты и правда думала, что сможешь убежать?

Я молчала, тяжело дыша, не в силах отвести взгляд от его ледяных глаз. Весь мой мир снова сжался до этого человека.

Он протянул руку и схватил меня за предплечье. Его пальцы были как стальной обруч. Он не причинял боли, но хватка была такой, что я поняла - сопротивление бесполезно.

- Пойдем, - бросил он и потащил меня за собой. Не грубо, но неотвратимо.

Я пыталась упираться, но это было все равно что пытаться сдвинуть гору. Он легко втоптал меня вверх по лестнице, обратно в мою комнату. Тот парень испуганно жался к стене в коридоре, не смея поднять глаз.

Аскольд втокнул меня в комнату. Я споткнулась и едва не упала. Он вошел следом и остановился посреди комнаты. Его взгляд упал на мою незаконченную картину. Потом на кейс с красками.

Не говоря ни слова, он подошел к мольберту. Взял кейс и захлопнул его. Затем он поднял сам мольберт вместе с холстом.

- Нет! - вырвалось у меня. - Не трогай! Пожалуйста!

Он посмотрел на меня так, будто я была пустым местом.

- Ты нарушила правила, Кристи, - сказал он своим ровным, безжалостным голосом. - Ты потеряла свои привилегии.

Он развернулся и вышел из комнаты, забрав с собой и

мольберт, и краски. Все. Он забрал мой единственный глоток воздуха, мой единственный луч света.

Дверь за ним закрылась. Щелкнул замок.

Я осталась одна. В пустой, тихой комнате. В своей клетке, которая только что стала намного меньше и темнее. Я сползла по стене на пол, обхватила колени руками и зарыдала. Это было самое жестокое наказание, которое он мог придумать. Он не ударил меня. Он просто отнял у меня душу.

Глава 9. Два фронта. Аскольд

Я стоял в своем кабинете, спиной к двери, и слушал. Я слышал ее отчаянный топот по лестнице. Слышал испуганный крик прислуги. Я не шевелился, давая ей иллюзию шанса, позволяя ее надежде разгореться до предела. Чем выше взлетишь, тем больнее падать. Я хотел, чтобы она усвоила этот урок раз и навсегда.

Я вышел ей навстречу, когда до входной двери оставались считанные метры. Ее лицо. Сначала триумф, потом дикий ужас, когда она увидела меня. Этот момент стоил того, чтобы позволить ей добежать так далеко. Я видел, как в ее глазах рухнул мир. Идеально.

Ярость, холодная и острая, как осколок льда, вонзилась мне под ребра. В тот самый момент, когда мои люди рисковали жизнями, беря ее отца на горячей трассе, эта девчонка устроила цирк. Отвлекла меня. Создала хаос в моем доме, где все должно подчиняться идеальному порядку. Моему порядку.

Я притащил ее наверх. Ее дрожь в моей руке была почти приятной. Это было осязаемое доказательство моей власти. Ее страх был моей наградой за ее глупость.

Забрать краски было самым очевидным решением. Я дал - я забрал. Все просто. Это язык, который она должна была понять. Язык абсолютного контроля. Я видел, как погас свет в ее глазах, когда я выносил мольберт. И, к своему собственному отвращению, почувствовал укол чего-то похожего на сожаление. Я тут же задавил это чувство. Слабость - непозволительная роскошь.

Я поставил мольберт с ее незаконченной картиной в дальний угол своего кабинета. Темный, изломанный лес. Она рисовала не пейзаж. Она рисовала меня. Мой мир. И, черт возьми, она была права.

Мой телефон завибрировал. Звонил Демид.

- Говори.

- Все чисто, Аскольд Вячеславович. Объект взят. Без шума и пыли, как вы приказали. Сейчас возем его на "базу". Будет готов к разговору через час.

"База" - это заброшенный складской комплекс за городом, который я переоборудовал. Идеальное место для тихих, уединенных бесед, где никто не услышит криков.

- Отлично. Я выезжаю. Подготовьте "комнату".

- Уже готово.

Я повесил трубку. Время действовать. Но прежде чем уйти, я подошел к монитору видеонаблюдения.

Она сидела на полу, съежившись в комок. Ее плечи сотрясались от беззвучных рыданий. Зрелище должно было принести мне удовлетворение. Она наказана. Она поняла. Но вместо этого я почувствовал глухое раздражение, направленное на самого себя.

Эта девчонка, Кристи, путает мне все карты. Она заставляет меня совершать нелогичные поступки - дарить дорогие краски. Она заставляет меня чувствовать то, чего я не должен - укол совести. Она отвлекает меня от войны.

А война уже у ворот.

Я спустился в подземный гараж. Десятки роскошных автомобилей стояли под тусклым светом ламп. Я выбрал неброский "Бентли", а неприметный, но полностью бронированный черный "Мерседес S-класса". Сел за руль. Двигатель завелся с тихим, хищным рокотом.

Пока автоматические ворота открывали выезд, я подключил телефон к системе автомобиля и набрал номер.

- Шилов слушает, - раздался в динамиках неприятный, скрипучий голос моего врага.

- Аркадий, это Черных, - сказал я ровно.

На том конце провода на несколько секунд повисла тишина.

- Какая честь. Решил сдаться? - съязвил он.

- Я звоню, чтобы дать тебе дружеский совет. Твоя новая шестерка, Ромашкин, сейчас у меня. И он очень хочет поговорить. Так что, если ты не хочешь, чтобы твои грязные делишки всплыли там, где не надо, я предлагаю тебе сделку.

- Ты мне угрожаешь, Черных?

- Я констатирую факты, Аркадий. У тебя есть 24 часа, чтобы убраться из моего города и забыть дорогу сюда. Иначе я скормлю твое имя федералам вместе с показаниями Ромашкина и всеми доказательствами. И поверь, у меня их хватит, чтобы ты до конца жизни шил варезки. Время пошло.

Я сбросил вызов, не дожидаясь ответа.

Это был рискованный ход. Блеф. Но я знал Шилова. Он был труслив и больше всего на свете боялся потерять свои легальные бизнесы, которыми прикрывал криминал. Я дал ему шанс уйти без крови. Если он им не воспользуется, начнется настоящая бойня.

Машина вылетела на ночное шоссе. Я вдавил педаль газа в пол, и мощный автомобиль понес меня навстречу допросу, предательству и войне.

Но как бы быстро я ни ехал, я не мог убежать от образа девушки, плачущей на полу в запертой комнате. И от остро-го, как осколок стекла, понимания: главная война для меня только что началась. И велась она не с Шиловым, а с голубо-глазой заложницей, которая умудрилась взять в плен меня самого.

Глава 10. Вкус слез. Кристина

Слезы высохли, оставив на щеках соленые дорожки и чувство звенящей пустоты внутри. Я больше не плакала. Я просто сидела на холодном полу, прислонившись спиной к стене, и смотрела в никуда. Комната, еще утром бывшая моим убежищем, моим полем битвы, превратилась в безликую коробку. Он забрал не просто краски и холст. Он забрал цвет из моего мира.

Я не притронулась ни к ужину, ни к воде, которые молча принесла и оставила Анна. Голод и жажда были единственным, что я еще могла контролировать. Мой последний, жалкий акт неповиновения.

Время шло. Солнце село, и комната погрузилась в густые сумерки, которые медленно сменились непроглядной тьмой, лишь слегка разбавленной лунным светом из окна. Я не двигалась. Я превратилась в статую, застывшую в позе отчаяния. Я думала об отце. Где он? Что с ним? Ненависть к Черным смешивалась с обидой на отца, который бросил меня в этот ад. Я была одна. Абсолютно одна.

Я не знаю, сколько прошло времени, когда я услышала звук подъезжающей машины. Глухой рокот мощного двига-

теля, нарушивший ночную тишину. А потом, спустя минут десять, тихие шаги в коридоре. Шаги, которые я уже научилась узнавать.

Мое тело напряглось. Сердце, до этого бившееся вяло и апатично, застучало с новой силой, разгоняя по венам ледяной страх. Он вернулся.

Щелчок замка. Дверь открылась.

Он стоял на пороге, его силуэт четко вырисовывался на фоне тусклого света из коридора. Он был без пиджака, в одной темной рубашке, рукава которой были закатаны до локтей. Он выглядел уставшим. И злым. В воздухе повисло напряжение, такое плотное, что его можно было резать ножом.

Он вошел, закрыв за собой дверь, и включил небольшой ночник у кровати. Мягкий свет выхватил из темноты его лицо, и я увидела, что не ошиблась. Он был не просто уставшим. Он был измотанным, а в глубине его серых глаз плескалась какая-то дикая, загнанная ярость. Он принес с собой запах ночи, холодного металла и чего-то еще, неуловимо опасного.

Его взгляд просканировал комнату, остановился на нетронутом подносе с едой, а затем впился в меня.

- Я, кажется, ясно выразился, - его голос был тихим, хриплым, но от этого еще более угрожающим. - Правило номер один. Ты ешь.

Я молчала, глядя на него снизу вверх. Сил на дерзость не было. Было только глухое, упрямое сопротивление.

Он медленно выдохнул сквозь зубы. Подошел к подносу, взял стакан с водой и тарелку с уже остывшим мясом и овощами. Затем он подошел ко мне. Я сжалась, инстинктивно закрывая голову руками, ожидая, что он швырнет эту еду в меня.

Но он просто опустился передо мной на одно колено.

Я замерла, не веря своим глазам. Аскольд Черных, властный и жестокий хозяин этого дома, сидел на корточках на полу передо мной. Наши глаза оказались на одном уровне.

- Ты будешь есть, Кристина, - повторил он, и это был уже не приказ, а констатация факта. - Ты не умрешь в моем доме от истощения. Я не позволю.

Он протянул мне стакан. Мои руки не двигались. Тогда он вздохнул, его лицо на мгновение исказила гримаса раздра-

жения, и сделал то, чего я никак не могла ожидать.

Он поставил тарелку на пол, а сам свободной рукой коснулся моего подбородка, заставляя поднять голову. Его пальцы были жесткими, мозолистыми, но на удивление теплыми. От этого прикосновения по всему телу прошла дрожь. Он поднес стакан к моим губам.

- Пей.

Я почувствовала на губах прохладное стекло. Я могла отвернуться, стиснуть зубы. Но я была так измотана, а горло пересохло до боли. Я послушно сделала несколько глотков. Вода была самой вкусной вещью, которую я когда-либо пробовала.

Он отнял стакан. Его пальцы все еще держали мой подбородок. Большой палец медленно, почти задумчиво, провел по моей щеке, стирая высохшую соленую дорожку от слез.

- Глупая, упрямая девочка, - прошептал он, глядя мне прямо в глаза. Я видела в его зрачках свое отражение - растрепанное, жалкое, с огромными от ужаса глазами. - Ты ненавидишь меня, и это правильно. Но ты даже не представляешь, от чего я тебя защищаю. Мир за стенами этого дома куда страшнее, чем я. Там такие, как ты, не живут и дня. Так

что тебе стоило бы благодарить меня за эту клетку.

Его слова были абсурдны. Благодарить монстра за то, что он держит меня в плену, потому что где-то есть монстры страшнее? Но то, как он это сказал – тихо, без всякой издевки, с какой-то мрачной уверенностью, – заставило семя сомнения зародиться в моей душе.

Он убрал руку, и я тут же почувствовала холод. Он поднялся во весь свой огромный рост.

- Поешь, - бросил он уже своим обычным, властным тоном. - Чтобы к утру тарелка была пустой. Иначе наш следующий разговор будет не таким приятным.

Он развернулся и вышел, оставив меня одну в тишине, с привкусом воды на губах и ощущением его пальцев на своей коже.

Я долго сидела неподвижно. А потом медленно подтянула к себе тарелку. Я ела. Не потому, что испугалась его угрозы. А потому, что его странные слова и еще более странное прикосновение разбудили во мне что-то. Я должна быть сильной. Не для побега. А для того, чтобы понять. Понять этого человека, этого монстра, который говорил о защите и касался моих щек с неожиданной осторожностью. Моя война

с ним только что перешла на новый, куда более сложный и опасный уровень.

Глава 11. Разговор на полу. Аскольд

Запах. Первое, что ударило в нос, когда я вышел из машины в своем подземном гараже, был не запах бензина или остывающего металла. Это был запах крови. Он въелся в дорожную ткань моих брюк, в кожу, прилип к рукам. Запах страха и боли Эдуарда Ромашкина.

Он сломался быстро. Гораздо быстрее, чем я ожидал. Старый лис оказался трусливым шакалом, когда дело дошло до настоящей боли. Он выложил все: детали сделки с Шиловым, местонахождение цифровых копий компромата, пароли, явки. Он сдал всех и вся, чтобы спасти свою никчемную шкуру. А когда я в конце спросил его, думал ли он о своей дочери, когда бросал ее мне, он не смог посмотреть мне в глаза. Просто пролепетал, что был уверен, что я ее не трону. Ничтожество.

Я оставил его своим людям. Его судьба меня больше не интересовала. Меня интересовала его дочь.

Поднимаясь на лифте в жилую часть дома, я чувствовал, как смываю с себя грязь этого вечера. Мир интриг, преда-

тельства и насилия оставался там, за стенами моей крепости. А здесь здесь была она. Моя личная, куда более сложная проблема.

Я знал, что она не ела. Я видел это по камерам еще до отъезда. И эта мысль сверлила мой мозг даже во время допроса. Ее тихое, упрямое самоуничтожение бесило меня до скрежета зубов. Это был вызов. Прямой и наглый вызов моей власти.

Я вошел в ее комнату, готовый к ярости, к тому, чтобы силой заставить ее подчиниться. Но когда тусклый свет ночника выхватил ее фигурку на полу - съежившуюся, жалкую, сломленную – вся моя злость испарилась, сменившись чем-то другим. Глухим, тяжелым чувством, похожим на удар под дых. Я хотел видеть ее непокорной, злой, ненавидящей. Но не такой. Не раздавленной.

Сломанная игрушка перестает быть интересной.

И тогда я совершил немыслимое. То, чего не делал никогда и ни для кого. Я опустился перед ней на колени. Я сам не понял, зачем. Просто импульс. Желание оказаться с ней на одном уровне, заглянуть в ее затопленные отчаянием глаза и заставить ее увидеть меня. Не монстра, нависшего сверху, а... кого? Я и сам не знал.

Когда я коснулся ее подбородка, ее кожи, я почувствовал легкую дрожь, прошедшую по ее телу. И этот трепет отозвался во мне странным разрядом тока. Она была живой. Теплой. Настоящей. А я весь вечер провел в компании лжи, страха и смерти.

Я заставил ее пить. А потом стер большим пальцем след от слез с ее щеки. Кожа была нежной, как лепесток, и соленой. Ее слезы на моей коже. Этот момент был интимнее любого поцелуя. Я почувствовал ее боль, ее отчаяние. И в этот миг я возненавидел ее отца еще сильнее. Не за предательство в бизнесе. А за то, что он сделал с ней.

Слова о защите и клетке вырвались сами собой. Это была чистая правда. Я действительно был лучшим из монстров, что могли ей встретиться. Шилов и его отморозки содрали бы с нее кожу заживо, просто ради развлечения. Она не знала этого мира. Она была тепличным цветком, который ураганом занесло на поле боя. И я, сам того не желая, стал ее единственным укрытием.

Я ушел, потому что еще секунда - и я бы сделал что-то, о чем пожалел бы. Обнял бы ее. Или, наоборот, встряхнул бы до хруста костей. Я был на грани. Она выбивала из меня весь мой хваленый контроль.

В своем кабинете я налил себе полный стакан виски и залпом выпил половину. Обжигающая жидкость не помогла. Я подошел к монитору. Она ела. Медленно, но решительно. Моя угроза подействовала. Или, может, мои слова? Мое прикосновение?

Я смотрел на нее, и во мне боролись два зверя. Один - собственник, удовлетворенный тем, что его воля исполнена. Другой - что-то более темное и древнее. Хищник, который увидел в своей жертве нечто большее, чем просто еду. Он увидел самку. Упрямую, гордую, которую нужно не сломать, а подчинить. Приручить.

Я посмотрел в угол, на ее картину. Темный лес. Мой лес. И она в самом его центре. И я понял, что никогда ее не отпущу. Дело было уже не в ее отце, не в Шилове, не в деньгах.

Она была моей. По праву сильного. По праву того, кто первым увидел ее душу, пусть даже нарисованную на холсте.

Игра перешла на новый уровень. И теперь я буду устанавливать правила не только для ее тела, но и для ее сердца. Даже если для этого придется сжечь весь мир вокруг.

Глава 12. Ненависть с привкусом желания. Кристина

Я проснулась на кровати. Я не помнила, как легла, но, видимо, мое измученное тело сдалось после еды. Первое, что я почувствовала - отсутствие голодной боли в желудке. Второе - фантомное ощущение его пальцев на своей щеке. Я невольно коснулась этого места. Кожа была обычной, но в памяти все еще жил отпечаток его тепла.

Я встала и подошла к окну. Утро было серым и дождливым. Мелкие капли стекали по стеклу, искажая и без того мрачный пейзаж. Мир за окном плакал. Или это просто отражалось мое собственное состояние?

Прошлая ночь все перевернула. Его неожиданное появление, его странные, хриплые слова о защите, его прикосновение... Все это не укладывалось в голове. Я привыкла его ненавидеть. Эта ненависть была простой, понятной, она была моей броней. А теперь он пробил в ней брешь. Он показал мне что-то другое - усталость, ярость, направленную не на меня, и эту странную, почти нежную заботу. Он запутал меня, и от этого стало еще страшнее. Легко бороться с чудовищем. Но как бороться с чудовищем, у которого внезапно

проступили человеческие черты?

Когда Анна принесла завтрак, я съела все молча, не отводя взгляда от окна. Я выполняла правила. Но теперь не из страха. А из расчета. Мне нужны были силы. Моя война не закончилась, она просто сменила тактику. Если я не могу сбежать физически, я должна найти другой выход. Я должна понять его. Найти его слабое место.

Я думала, что этот день будет таким же серым и пустым, как и небо за окном. Но около полудня я снова услышала его шаги. Мое сердце пропустило удар. Я встала посреди комнаты, готовая к чему угодно.

Он вошел без стука. В руках у него был мой мольберт и кейс с красками.

Он молча прошел мимо меня и поставил все на прежнее место у окна. Затем повернулся и посмотрел на меня. Сегодня он снова был в безупречном деловом костюме, холодный, отстраненный, как будто вчерашней ночи и не было. Словно не он сидел передо мной на полу и касался моих слез.

- Ты выполнила мое условие, - сказал он ровным голосом.
- Я выполняю свое.

Я смотрела на него, потом на краски, и не могла вымолвить ни слова.

- Это не подарок, Кристина, - продолжил он, словно прочитав мои мысли. - Это инструмент. И привилегия. Ты будешь ее лишена при первой же попытке повторить вчерашнюю глупость. Ты меня поняла?

Я медленно кивнула.

- Я хочу видеть, как ты рисуешь, - добавил он, и в его голосе проскользнули новые, собственнические нотки. - Я хочу видеть на холсте то, что ты видишь здесь. То, что ты чувствуешь. Не лги мне. Особенно на холсте. Я не терплю лжи.

Он подошел ближе. Я замерла, не дыша. Он снова был слишком близко, вторгаясь в мое личное пространство, окутывая своим запахом дорогого парфюма и власти.

- Твой отец он оказался слабым человеком, - вдруг сказал он тихо. - Он предал не только меня. Он предал и тебя.

Я вскинула на него глаза, полные ярости.

- Не смейте говорить о моем отце! Вы ничего не знаете!

- Я знаю все, - отрезал он. В его серых глазах промелькнуло что-то похожее на жалость, и это было унижительнее всего. - Когда-нибудь ты тоже узнаешь. А пока... рисуй. Это лучшее, что ты можешь сейчас делать.

Он развернулся и вышел, оставив меня в звенящей тишине, наедине с возвращенным миром и ядовитыми словами, брошенными мне в лицо.

Я подошла к мольберту. Мои руки дрожали. Он играет со мной. Унижает, а потом дает подачку. Говорит ужасные вещи о моем отце, чтобы сломить меня окончательно.

Я открыла кейс. Запах масляных красок ударил в нос, и на глаза навернулись слезы. Это был мой мир. Мой единственный мир. И он вернул мне его. Монстр. Тюремщик. И... спаситель? Нет.

Я выдавила на палитру краски. Умбра, сажа газовая, охра, белила. Цвета земли, ночи и костей. Я не буду рисовать темный лес. Я нарисую его. Не тот портрет, что был сделан в порыве ненависти. А другой. Я попытаюсь нарисовать то, что увидела в его глазах вчера ночью. Бурю. Усталость. И ту тьму, которая жила внутри него и которую он, возможно, сам боялся.

"Не лги мне. Особенно на холсте".

Хорошо, Аскольд Черных. Ты получишь правду. Мою правду. Я нарисую твою душу так, как я ее вижу. И может быть, увидев ее, ты сам ужаснешься.

Глава 13. Неожиданный визит. Аскольд

Утро началось с двух вещей: отчета о том, что Шилов за одну ночь свернул все свои дела в городе и исчез, и изображения на мониторе. Шилов принял мой ультиматум. Первая битва выиграна без единого выстрела. Это должно было принести удовлетворение. Но все мое внимание было приковано к экрану.

Она рисовала.

Я вернул ей краски, и она приняла их. Использовала их так, как я и приказал. Она выплескивала на холст свои чувства. Но то, что я видел, сбивало с толку. Она не рисовала решетки, тьму или монстра с клыками. Она снова рисовала меня. Но по-другому. Я видел набросок, сделанный углем. Она уловила не жесткость, а усталость в линии моих плеч. Не холод, а пустоту в моих глазах. Она рисовала не мою маску, а то, что под ней.

Эта девчонка видела меня насквозь. И это было одновременно и пьяняще, и чертовски опасно. Она видела то, что я годами прятал ото всех, включая самого себя.

Мои мысли прервал звонок по внутренней связи. Демид.

- Да.

- Аскольд Вячеславович, к нам гости. Незваные. Кальянщик и Меченый. Уже у ворот. Говорят, разговор срочный.

Я замер. Кальянщик и Меченый. Два авторитета старой закалки, из тех, с кем мой покойный отец вел дела. Они были динозаврами криминального мира, жившими по понятиям девяностых. Я давно отошел от их методов, выстроил свою империю на стыке бизнеса и силы, а не на голом бандитизме. Их визит не сулил ничего хорошего.

- Что им нужно?

- Говорят, есть разговор по поводу Шилова. И по поводу общего "стола". Думаю, они почувствовали кровь и приехали делить шкуру неубитого медведя, - голос Демида был напряженным.

Я понял. Мой выпад против Шилова нарушил хрупкий баланс сил в городе. И эти стервятники прилетели посмотреть, не смогут ли они урвать кусок.

- Пусть ждут. Пять минут. Подготовь гостиную. И, Демид...

- Да, босс?

- Усиль охрану по периметру. Двойной пост у крыла с ее комнатой. Никто не должен туда подниматься. Вообще никто. Анна предупреждена?

- Уже. Она закроет ее и будет рядом. Девушка ничего не услышит и не увидит.

- Хорошо. Впускай.

Я отключился и потерял виски. Проклятье. Эти люди были из другого мира. Мира, где женщина в доме врага - это трофей, разменная монета, слабость. Если они узнают о Кристине, они попытаются использовать это против меня. А если они просто увидят ее... ее красоту, ее невинность в этом логове... это вызовет слишком много вопросов.

Я снова посмотрел на монитор. Она была полностью поглощена работой, беззащитная в своем творческом трансе. Моя птичка в клетке. Но сейчас снаружи этой клетки собрались волки. И я должен был сделать так, чтобы они даже не почували ее запаха.

Я быстро набрал Анну.

- Да, Аскольд Вячеславович.

- Анна, у меня в доме будут гости. Очень... шумные гости. Ты должна проследить, чтобы Кристина Эдуардовна не выходила из комнаты. Ни под каким предлогом. Зашторь окна в ее комнате. И будь рядом на случай, если она испугается.

- Все будет сделано, - ответила она своим невозмутимым голосом.

Я сбросил вызов. Зашторить окна. Я отнимал у нее вид на лес, на небо. Снова сужал ее мир до размеров коробки. Она возненавидит меня за это еще сильнее. Но ее ненависть была ничто по сравнению с тем, что могли сделать с ней такие, как Кальянщик.

Я поправил галстук, надел пиджак. Маска была на месте. Холодный, безжалостный, уверенный в себе Громов, хозяин города. Ни тени сомнения, ни капли усталости, которую эта девчонка умудрилась разглядеть.

Я спустился в гостиную. В воздухе уже витал густой, сладковатый запах дорогого табака - Кальянщик всегда возил с

собой портативный кальян. На диване сидели два грузных, неприятных типа. Один, с глубоким шрамом через всю щеку - Меченый. Второй, с холеными руками и тяжелыми перстнями - Кальянщик.

- Аскольд. Здравствуй, - пробасил Кальянщик, выпуская облако дыма. - Решили проведать. Слышали, у тебя тут весело. Шилов, говорят, хвост поджал.

Я сел в кресло напротив них.

- У меня всегда весело, - я усмехнулся. - Но я не помню, чтобы приглашал вас на вечеринку. Что привело вас в мой скромный дом, господа?

Игра началась. И пока я буду вести эту опасную партию внизу, наверху, в запертой комнате, будет находиться мой самый главный секрет. Моя самая большая слабость. И моя единственная причина не проиграть.

Глава 14. Невидимые враги. Кристина

Я только начала наносить на холст первые угольные штрихи, пытаюсь поймать то самое выражение усталости и мрачной силы в его глазах, как в дверь тихо вошла Анна. Я так погрузилась в работу, что даже не услышала щелчка замка.

- Кристина Эдуардовна, - ее голос был как всегда ровным, но в нем прозвучали новые, незнакомые нотки. Почти приказные. - Мне велено зашторить окна. И я должна попросить вас не шуметь в ближайшее время.

Я оторвалась от холста, недоуменно глядя на нее.

- Зачем? Что происходит?

- Распоряжение хозяина, - коротко ответила она, уже подходя к окну.

Она не стала дожидаться моего согласия. Тяжелые, плотные шторы из серого бархата скользнули по карнизу, отрезая меня от дневного света и вида на лес. Комната погрузилась в полумрак, освещаемая лишь искусственным светом ламп.

Мое небо, мой единственный кусочек свободы, исчез.

- Но почему? - я вскочила на ноги. - Что случилось?

- У Аскольда Вячеславовича гости, - Анна посмотрела на меня своим непроницаемым взглядом. - Вам лучше их не видеть. И чтобы они не слышали вас.

С этими словами она вышла, и замок снова щелкнул, на этот раз громче и окончательнее.

Я осталась стоять посреди комнаты, которая внезапно стала казаться меньше, душевнее. Гости. Какие гости могли заставить его прятать меня, как какую-то постыдную тайну? Какие гости могли быть опасны для меня в стенах этой неприступной крепости?

Его слова эхом прозвучали в голове: "Ты даже не представляешь, от чего я тебя защищаю".

Я подошла к двери и прижалась к ней ухом. Сначала не было слышно ничего, кроме гула крови в моих висках. Но потом я разобрала. Глухие, низкие мужские голоса, доносившиеся снизу. Их было несколько. Один голос был грубым, лающим. Другой - вкрадчивым, с неприятными сиплыми нотками. Я не могла разобрать слов, но сама интонация

вызывала отвращение и безотчетный страх. Эти люди не были похожи на его подчиненных, вроде Демида. От них веяло другой, более грязной и примитивной опасностью.

Я отошла от двери. Тревога ледяными иглами впиалась в сердце. Кто они? Его враги? Или, что еще хуже, его друзья? Если это его друзья, то в каком же мире он живет?

Я попыталась вернуться к рисованию, но не смогла. Руки не слушались, а в полумраке краски выглядели тусклыми и безжизненными. Я не могла сосредоточиться. Все мое существо превратилось в один большой слуховой нерв. Я прислушивалась к каждому звуку. Вот кто-то громко рассмеялся внизу - неприятный, гортанный смех. Вот что-то звякнуло, будто на стол резко поставили стакан.

Его голоса я почти не слышала. Он говорил тихо, ровно, но я чувствовала напряжение, которое просачивалось даже сквозь толстые стены и перекрытия. Там, внизу, шла битва. Невидимая, безмолвная, но от этого не менее жестокая. И я была заперта прямо над ней.

Внезапно я поняла, что боюсь. Но не за себя. Я была в своей комнате, в безопасности, под замком. Я боялась за него. Эта мысль была настолько дикой и неправильной, что я вздрогнула. Бояться за своего похитителя? За монстра, раз-

рушившего мою жизнь? Но я ничего не могла с собой поделать. Я представляла его там, внизу, одного против этих неприятных, опасных людей. И мне было страшно. Страшно, что его холодное спокойствие даст трещину, что его власть окажется недостаточно сильной.

Что со мной происходит? Ненависть, которая была моим щитом, моим компасом в этом аду, начала плавиться, смешиваясь с другими, непонятными и пугающими чувствами. Тревога. Сомнение. И это это уродливое, неправильное беспокойство за него.

Время тянулось, как расплавленный свинец. Я мерила шагами свою темную клетку, не находя себе места. Потом звуки внизу стихли. Наступила тишина. Гулкая, напряженная, полная ожидания. А через несколько минут я услышала звук отъезжающих машин.

Они уехали.

Я замерла посреди комнаты. Все закончилось. Но что? Чем? Он победил?

Теперь я ждала его. Я ждала звука его шагов на лестнице. Я не знала, что скажу ему, когда он войдет. Не знала, что увижу в его глазах. Но я должна была его увидеть. Убедить-

ся, что он цел. Убедиться, что буря, бушевавшая в его доме, миновала. И эта потребность была сильнее ненависти, сильнее страха, сильнее всего, что я испытывала до этого дня.

Глава 15. Цена невинности. Аскольд

Когда за последней машиной закрылись ворота, я еще несколько минут стоял в гостиной, глядя в пустоту. В воздухе все еще висел приторный запах кальянного дыма и лжи. Кальянщик и Меченый уехали, уверовав в то, что я рассмотрю их "предложение" о переделе сфер влияния. Глупцы. Они не поняли главного. Я не делюсь. Я забираю все. Их визит лишь ускорил неизбежное. Скоро в этом городе останется только один хозяин.

Я чувствовал себя грязным. Разговоры с этими людьми, их понятия, их жадность – все это было как погружение в болото, из которого я так долго и упорно выбирался. Адреналин от с трудом сдержанной ярости все еще гудел в крови. Мне нужно было... очищение. Мне нужна была она.

Я поднялся наверх. Мои шаги были быстрыми и решительными. Хватит игр. Хватит выдержки. Я выиграл битву внизу, и теперь я шел за своей наградой.

Я открыл дверь своим ключом и вошел. Она стояла посреди комнаты, в полумраке, похожая на испуганного при-

зрака. Но когда она вскинула на меня глаза, я увидел в них не только страх. Я увидел вопрос. И тревогу. Тревогу за меня. Этот немой вопрос в ее глазах снес последнюю плотину моего самоконтроля.

- Кто это был? - ее голос дрожал, но она не отводила взгляд. - Что им было нужно?

- Это не твое дело, Кристина, - отрезал я, подходя ближе. Я снял пиджак и бросил его на кресло. Расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, ослабил галстук. Я сбрасывал с себя доспехи, оставаясь хищником в своей берлоге.

- Они были опасны, - это был не вопрос, а утверждение. - Ты запер меня здесь, задернул шторы... Ты боялся?

Она осмелилась предположить, что я могу бояться. Это было так наивно и так смело, что я усмехнулся.

- Я никогда не боюсь, Кристи, - я остановился прямо перед ней, нависая над ней. - Я защищаю свое.

Я протянул руку и коснулся ее щеки. Она вздрогнула, но не отстранилась. Ее кожа была прохладной.

- И ты, - прошептал я, проводя большим пальцем по ее

мягкой губе, - моя. Самая ценная часть всего, что у меня есть.

Ее ресницы дрогнули. Ненависть в ее глазах смешалась со смятением. Эта борьба на ее лице сводила меня с ума. Я больше не мог ждать. Я больше не хотел ждать.

Я наклонился и впился в ее губы поцелуем. Не нежным, не просящим. А жестким, требовательным, собственническим. Я целовал ее так, словно хотел выпить из нее душу, пометить ее, как свою территорию. Сначала она замерла, напряглась, как струна. Я почувствовал ее попытку сопротивляться, но я просто прижал ее к себе одной рукой за талию, а второй запустил пальцы в ее волосы, слегка сжимая, не давая отстраниться. Я углубил поцелуй, вторгаясь в ее рот, пробуя ее на вкус. Вкус страха, отчаяния и чего-то сладкого, чистого, что принадлежало только ей.

И тут произошло то, чего я не ожидал. Она перестала сопротивляться. Ее тело обмякло в моих руках, и она неумело, почти по-детски, ответила на мой поцелуй. Этот миг ее капитуляции стал для меня последней искрой. Зверь внутри меня сорвался с цепи.

Я подхватил ее на руки. Она была легкой, почти невесомой. Она ахнула, вцепившись в мои плечи. Я отнес ее к кро-

вати и опустил на шелковое покрывало. Она смотрела на меня снизу вверх, ее огромные голубые глаза были полны ужаса и... фатальной обреченности. Она поняла. Она все поняла.

- Не надо... пожалуйста - прошептала она, но это было не сопротивление. Это была мольба о милосердии, которого во мне в тот момент не было.

- Надо, Кристи, - выдохнул я, нависая над ней, упираясь руками по обе стороны от ее головы. - Хватит игр. Ты моя. И сегодня я заберу то, что принадлежит мне по праву.

Я смотрел в ее глаза, когда медленно начал расстегивать пуговицы на ее блузке. Одна за другой. Мои пальцы касались ее горячей кожи, и я видел, как по ней пробегает дрожь. Она не отводила взгляд, словно замороженная. Она была напугана до смерти, но она не кричала, не вырывалась. Она просто смотрела, как я раздеваю ее, как я обнажаю ее тело для своего взгляда, для своих рук.

Ее невинность была почти осязаемой. Хрупкая, чистая, нетронутая. И я собирался разрушить ее. Стать первым. Единственным. Чтобы каждый мужчина, который посмотрит на нее после меня, знал, что она несет на себе мою метку.

- Ты боишься? - спросил я хрипло, проводя ладонью по

ее плоскому животу.

Она судорожно кивнула, закусив губу.

- Хорошо, - прошептал я ей в губы. - Бойся. Но знай одно. С этой ночи ты принадлежишь мне. Телом. Душой. Каждой своей слезинкой. Всем.

И я снова поцеловал ее, на этот раз заглушая ее тихий, испу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.